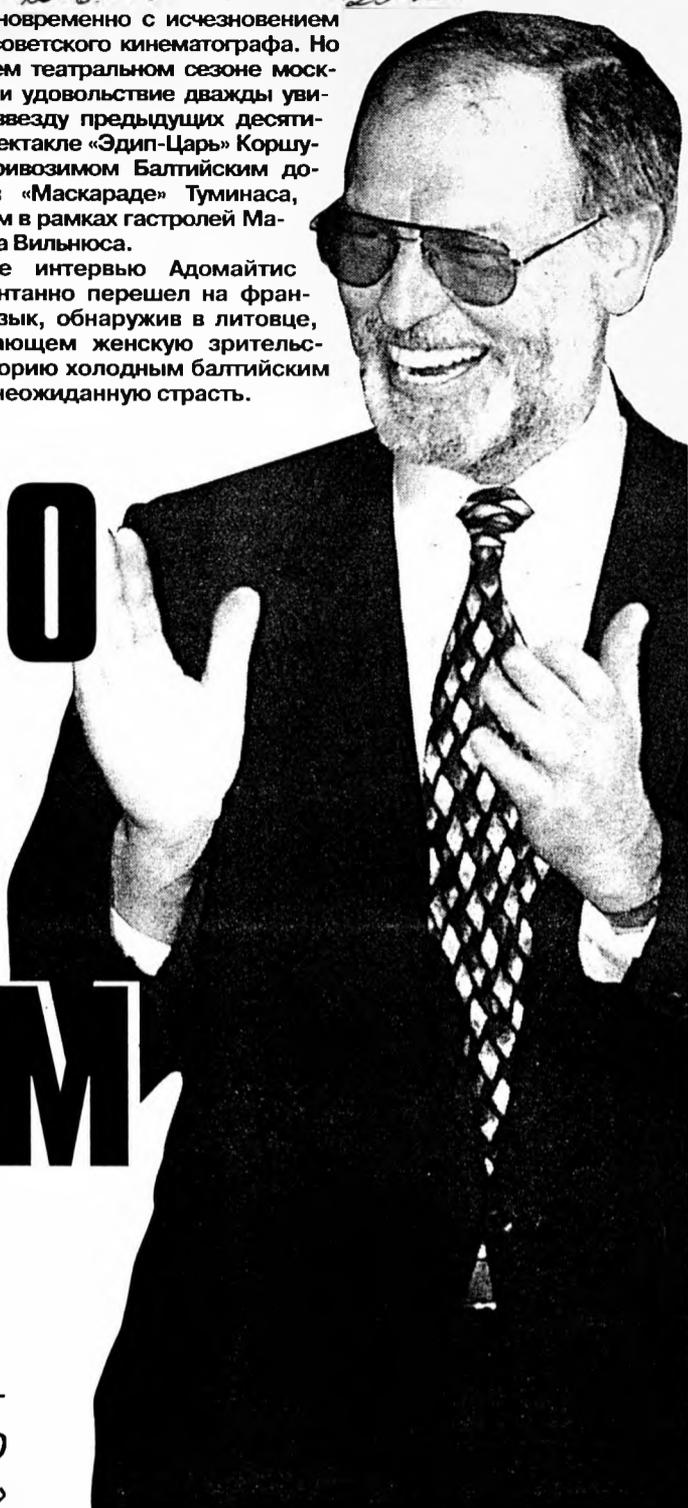

Регимантас Адомайтис начинал кинокарьеру с небольшой роли в «Хронике одного дня» у Витаутаса Жалакявичюса, а уже вторым его фильмом стал шедевр «Никто не хотел умирать». После такого дебюта он работал не только с Жалакявичюсом, но и с Козинцевым, Рубинчиком, Грикявичюсом, Чухраем в фильмах, достойно представлявших великий советский кинематограф на международных кинофестивалях.

Разделяя судьбу всех актеров советской Прибалтики, артист Академического (ныне — Национального) театра Литвы переиграл немало иностранцев в русскоязычном кино. Адомайтис почти исчез

экрана одновременно с исчезновением великого советского кинематографа. Но в минувшем театральном сезоне москвичи имели удовольствие дважды увидеть кинозвезду предыдущих десятилетий в спектакле «Эдип-Царь» Коршуноваса, привозимом Балтийским домом, и в «Маскараде» Туминаса, показанном в рамках гастролей Малого театра Вильнюса.

В ходе интервью Адомайтис вдруг спонтанно перешел на французский язык, обнаружив в литовце, очаровывающем женскую зрительскую аудиторию холодным балтийским шармом, неожиданную страсть.

ИТАР-ТАСС

Стыдно быть брендом

Регимантас АДОМАЙТИС:

«Когда становишься циником — актерскую профессию надо бросать»

— В не очень раннем возрасте, будучи уже актером, впервые услышав, сразу влюбился во французский шансон. Стал говорить на французском языке, переписывался с какой-то французской актрисой — просто написал письмо в Конрадиной, в класс декламации: мол, хочу общаться — может быть, кто отзовется... И пришло письмо. От довольно известной актрисы Клодин Оже. Она прислала мне несколько журнальчиков — «Пари-театр», «Лансен». Потом долго не писал, наконец я получил короткую записочку, что она уезжает куда-то на острова, и я понял, что — ну, что ей до меня — она была в Париже... Но песни наизусть, Пиаф, Бреля я так полюбил, что научился на гитаре играть — правда, по нотам, на ухо не подбираю.

— У вас были возможности изменить эти знания?

— Я был на Каннском фестивале с литовской картиной «Факт» — о том, как гитлеровцы сожгли литовскую деревню. Жалакявичюс был автором сценария, а ставил Грикявичюс. В Каннах у меня была возможность поговорить по-французски. В другой раз нас послали с Ириной Миросниченко представлять фильм «Это

его выходом на экраны Парижа. На самом деле ничего представлять нам не пришлось, только однажды нас пригласили на какой-то банкетик. И Миросниченко говорит по-французски, и я немножко...

— Господин Адомайтис, прошлой осенью московская публика видела вас в спектакле «Эдип-Царь» Коршуноваса. Хотя, насколько я знаю, у вас несколько скептическое отношение к такой режиссуре...

— Скорее к такому театру. Я — консерватор, у меня есть определенные привязанности к тому, что раньше вкладывали в понятие «театр». Мы все, может быть, работали по одной системе, по одному принципу, не было такого разнообразия. Сейчас это разнообразие есть. И для такого маленького государства, как Литва, разнообразие довольно большое. (Хотя по всей Литве меньше театров, чем в одной Москве.) Когда исчезла цензура, ощущалась острая потребность в какой-то новой форме, и начались поиски (до этого ведь форма игнорировалась вообще). Сегодня

мне может нравиться конкретный спектакль, но я не сторонник таких театров, где доминирует режиссура. Я все-таки сторонник театра, где режиссера не видно. Где его как бы нет, он как бы «растворяется» (об этом и Станиславский говорил). Я — сторонник театра, в котором первую скрипку играет актер. А не режиссер, не освещение, не музыка...

— Почему вы ушли на пенсию? У нас, по-моему, актеры никогда не уходят на пенсию — разве что совсем не заняты...

— У вас немножко другие традиции. Актер совсем уже ничего не делает, но его держат в театре — как флаг, как знамя. Это правильно, я считаю. У нас, наверное, меньше ценят в театре людей. У нашего народа больше любви к театру. И поэтому создались какие-то традиции отношения к актерам — так просто их на улицу не выбрасывают.

— Вы хотите сказать, что ушли на пенсию не по своей инициативе?

— По своей. Потому что в какой-то момент у нас вышло

постановление, что, если ты работаешь, тебе пенсию не платят. Потом признали, что это антиконституционно. И сегодня вы можете одновременно и работать, и получать пенсию. Тем не менее я уже не вернулся в театр, потому что есть возможность работать по договорам. У меня сегодня несколько спектаклей, которые я играю в Национальном театре.

— То есть вы совсем не обделены возможностью работать в актерском театре?

— Это так. В том числе у Туминаса, который никаких изощрений не придумывает, а рассчитывает на актеров, его спектакли, как мозаика, скроены из актерских импровизаций. Он дает много возможностей актерам, и вместе с тем, посмотрите на «Маскарад» — какую он диктует форму! И это не мешает актеру. А какую он придумывает трактовку персонажей, какие образы подсказывает...

— Когда, в советские времена, вы были нашим национальным актером (была же такая нация — советский народ), степень вашей «локальной» значимости в Литве была такой же?

«Я люблю любые работы! Могу и кирпич класть, могу с деревом работать»

(Окончание материала Светланы Поляковой на стр. 26)